

МУДРОСТЬ УЯЗВИМОСТИ

ПОСЛАНИЕ
ВЕКУ ТРЕВОГИ

АЛАН УОТС

Алан Уотс

Мудрость Уязвимости

«София Медиа»

1951

Уотс А.

Мудрость Уязвимости / А. Уотс — «София Медиа», 1951

ISBN 978-5-907524-54-5

В этой книге философ и писатель Алан Уотс показывает, как в нашу эпоху небывалой тревожности можно познать и принять силу настоящего момента, чтобы жить полноценной, счастливой жизнью. Проводя все время в тревогах о будущем и в сожалении о прошлом, мы забываем наслаждаться сегодняшним днем. Каждый, кто чувствует, что его жизненный курс нуждается в корректировке, найдет в «Мудрости уязвимости» прекрасный путеводитель.

ISBN 978-5-907524-54-5

© Уотс А., 1951
© София Медиа, 1951

Содержание

Введение	6
Предисловие	10
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алан Уотс

Мудрость уязвимости.

Послание веку тревоги

Посвящается Дороти

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

THE WISDOM OF INSECURITY

A Message for an Age of Anxiety

Copyright © 1951 by Pantheon Books, copyright renewed 1979 by Mary Jane Watts

Introduction copyright © 2011 by Deepak Chopra

Этот перевод издан с разрешения Vintage Anchor Publishing, an imprint of the Knopf Doubleday Group, a division of Penguin Random House, LLC

© ООО «София Медиа», 2022

Магистр религиоведения и доктор богословия Алан Уилсон Уотс лучше всего запомнился читателям как толкователь дзэн-буддизма, в частности, и индийской и китайской философии в целом. Оставшись в стороне от межконфессиональных диспутов, он заслужил репутацию одного из самых оригинальных и «незаезженных» философов XX века. Уотс написал около двадцати книг по философии и психологии религии, которые были переведены на множество языков, в том числе бестселлер *«Путь дзэн»*. Страстный лектор, Уотс регулярно выступал на радио, а в 1960-х годах был ведущим телевизионной программы «Восточная мудрость и современная жизнь». Умер в 1973 году.

Введение Дипак чопра

Каждая книга – это путешествие. Но эта книга ведет во все места сразу и в то же время не ведет никуда. Начинается она с освещения проблемы тревожности, о которой люди предпочитают не задумываться. Затем автор пробивает бреши в общепринятых убеждениях, с подчеркнутой непочтительностью и дерзким сарказмом обращаясь с самыми сложными, а для многих и священными темами. В довершение всего, будто бы для того, чтобы окончательно выбить читателя из колеи, Алан Уотс предлагает следующий парадокс: чувство уязвимости есть одновременно и признак нездоровья души, и окно, ведущее в невидимую реальность – то единственное место, где можно по-настоящему исцелиться от страха и уязвимости.

Несмотря на все эти кажущиеся недостатки, «Мудрость уязвимости», изданная в 1951 году, немедленно обрела множество восхищенных последователей, и я горжусь быть одним из них.

Будучи как раз в том возрасте, когда Алан Уотс опубликовал эту книгу (то есть около тридцати пяти лет), я почувствовал, что настало время внести коррективы в тот курс, которому следовала моя жизнь. И в Алане Уотсе я нашел лучшего из возможных проводников. Он помог мне отвернуться от материализма и его пустых обещаний. Новый курс вел меня на самую зыбкую и эфемерную почву из всех возможных – в «здесь и сейчас». Только здесь и сейчас, заявляет Уотс, можно постичь опыт реальности во всей его полноте, по-настоящему стать частью этой вселенной. «Если счастье оказывается в вечной зависимости от будущих событий, получается, что мы гонимся за блуждающим огоньком, ухватить который невозможно. И продолжается эта погоня до тех пор, пока пресловутое будущее, и мы вместе с ним, не провалится и не растворится в бездне под названием “смерть”». Очень типичное для Уотса заявление, крайне амбициозное, предлагающее выход, за который нужно заплатить отказом от всего, что дорого читателю. В послевоенной Америке вся жизнь крутилась вокруг прогресса и была сосредоточена на ослепительном блеске завтрашнего дня. Куда мы направлялись? Сначала к Луне, а затем и к звездам. Чего могли достичь? Всего, что угодно. Что принесет нам успех? Огромные богатства и безграничные удовольствия, которые никто и никогда не сможет у нас отнять. И тут появляется Уотс, назойливый слепень, который заставил нас пробудиться от этого сна. Прогресс оказался фальшивой подделкой, а мечты о прекрасном завтрашнем дне – попыткой убежать от боли, которой мы страшимся сегодня. То, что сегодня повсеместно называют «силой момента Сейчас», было описано Уотсом полвека назад.

Сегодня, оглядываясь назад, мы видим, что Уотс был одним из самых выдающихся энциклопедистов своего времени. Он в огромных количествах поглощал труды, посвященные философским, религиозным и научным вопросам. Жадно впитывающая губка с сотней шупалец. Эта небольшая книга была опубликована в 1951 году, в поворотный для Уотса момент его жизни. Он только что развелся с молодой женой и, как следствие, вынужден был отказаться от дела, которое считал своим истинным призванием, – от сана англиканского священника. К тому времени Уотс уже много лет изучал дзэн-буддизм. За годы, проведенные в семинарии, он пытался отыскать способы слить воедино западный мистицизм и восточный. И вот, оказавшись на пороге зрелости, в полном соответствии с канонами, он готов был обрести свое истинное «я». Вот только сделать это он собирался весьма необычным способом, заявив для начала, что никакого «я» не существует. Вечное счастье, поискам которого были так или иначе посвящены все его предыдущие многочисленные труды, достижимо лишь после отказа от своего эго. Оно в любом случае не более чем иллюзия. Эго упрямо отталкивает реальность. Из пустых ожиданий оно создает несуществующее будущее; из воспоминаний, полных сожаления, создает тоже

несуществующее прошлое. Как Уотс формулирует в своей живой, обманчиво простой манере, «завтра и планы на завтра не имеют совершенно никакого смысла, если только вы не находитесь в полноценном контакте с реальностью настоящего момента. Ведь живете вы в настоящем, и только в настоящем». Высказывание, достойное хорошего священника: экспрессивное и оставляет ощущение, что говорящий связан с некоей высшей правдой. Но само послание слишком резкое и бесцеремонное, чтобы его можно было озвучить с кафедры англиканской церкви. Представьте себе верующего христианина, лелеющего мысль о рае и втором пришествии Христа, который слышит слова: «Нет иной реальности, кроме реальности настоящего момента. Поэтому, даже если представить, что человек живет вечно, жить ради будущего означает безнадежно и навсегда упустить самую суть жизни». Меткими и сильными ударами Уотс вдребезги разбивает мечты о жизни после смерти и надежду на переход в лучший мир.

На тот момент Уотс говорил в пустыне. Эксцентричный подход к истории западной мысли был приемлем скорее в среде его соотечественников, англичан. Тесные связи с Индией и Китаем привели к тому, что в Англии регулярно появлялись мыслители, пытавшиеся проникнуть в философию веданты и буддизма глубже, чем обычные колонизаторы с узким кругозором. В Америке все было по-другому. Никто не хотел слушать выскочку, который вообразил себя сказочным дудочником и собирался повести своих последователей вперед к духовным истинам (сам Уотс называл себя «конферансье от философии», хотя был, конечно, несравненно большим). Но перебирая в уме аргументы, так дерзко и ярко приводимые им в «Мудрости уязвимости», я вижу не что иное, как бьющую в глаза истину.

Глава «Век тревоги», открывающая повествование, заимствует свое название из известной поэмы У. Х. Одена. В первом же абзаце Уотс обращается к первой благородной истине буддизма: жизнь полна страдания. Уотс благоразумно не упоминает имени Будды. Нет, он разит в самое сердце читателя, живущего в тени атомной бомбы. Автор задает вечный вопрос, но задает его в духе популярного на тот момент экзистенциализма: неужели человеческая жизнь действительно не более чем короткая, полная хаоса и страданий вспышка, разделяющая тьму, что предшествует рождению, и тьму, которая наступит после смерти? «Мы живем во времена небывалой уязвимости», отмечает Уотс, и наступила эта эпоха после столетия, на протяжении которого последовательно и повсеместно разрушались многие традиционные ценности, в особенности религиозные. Упадок веры повлек за собой две реакции: облегчение от того, что можно сбросить опостылевшие оковы, и беспокойство, что на место здравому смыслу придет хаос. Уотс претендует на то, чтобы проторить третью тропу. Он отмечает, что традиционная вера пала, став жертвой сомнения и тщательного анализа. Это первый признак того, что он приветствует ту уязвимость, которой остальные боятся. И это становится главной мыслью дальнейшего повествования. Ни разу не упомянув восточную философию, что могло бы отпугнуть читателя, Уотс уже познакомил нас с практикой, лежащей в основе всего буддийского учения: трезвое, непредвзятое, лишенное любых предубеждений изучение того, что находится прямо перед глазами.

Сохраняя такого рода открытость навстречу реальному миру, мы находим истину внутри себя. Именно это обещали нам святые и мудрецы всех времен. Там, где Будда отказывался отвечать на вопрос о существовании Бога, Уотс идет дальше и бесстрашно разбивает идолов вдребезги. Он обращается к современной физике, отмечая, что физические доказательства существования Бога так и не были найдены и почти наверняка никогда найдены не будут (опрометчивое предсказание, но как Уотс мог предвидеть появление современных постквантовых теорий, постулирующих вселенную, на всех уровнях пронизанную бесконечным разумом?). Мы не можем заново поверить в старые мифы, как не можем исключительно ради собственного комфорта придумать новые; следовательно, путь самопознания и самонаблюдения остается единственным разумным выходом для осознанного человека. Отказ от этого пути обрекает на бессмысленное существование, а значит, на погоню за преходящими удовольствиями

в попытке спрятаться от боли. Стратегия неудачная, подчеркивает Уотс, и здесь он незаметно для читателя переходит ко второй благородной истине буддизма: удовольствие никогда не сможет исцелить боль, поскольку они тесно связаны.

Итак, кроме устаревших мифов и отчаяния существует еще один способ взаимодействия с реальностью, но он требует настоящей революции в мышлении. Как ни парадоксально, такой третий путь подразумевает возврат к понятиям, от которых изначально нужно было отказаться, чтобы на этот путь вступить. «Реальность, которую обозначают слова “Бог” и “вечная жизнь”, конкретна, лежит на поверхности, чуть ли не осязаема и доступна каждому. Но чтобы увидеть ее, нужно “подкорректировать” мышление, как иногда делают “коррекцию” зрения, чтобы человек лучше видел». Уотсу понадобилось два десятка страниц, чтобы прийти к этому утверждению, с которого на самом деле только начинается его повествование. Но его простой, прямолинейный, очень терпеливый стиль изложения создает совершенно особенную атмосферу: читатель забывает о том, что изначально мог быть не согласен с выдвинутыми аргументами. Для автора книги это поистине бесценное умение, и Уотс владеет им блестяще. Он берет какую-нибудь выразительную истину из Упанишад – например, о том, что страх рождается из раздвоенности ума, – и создает целую главу, в которой искусно описывает, как бесхитростно испытывают боль животные и насколько те же условия бывают чудовищными для людей, живущих во мраке постоянной тревоги, которая есть результат раздвоения «я».

Я вовсе не пытаюсь сказать, что «Мудрость уязвимости» – это буддизм для начинающих. Это нечто гораздо большее. Уотс ни на минуту не забывает о том, что он пишет об очень сложных вещах, а основная мысль о том, что индивидуального эго на самом деле не существует, остается главной на протяжении всего повествования. Отражая внутренний раскол, мы искусственно разделили свою реальность на опыт внешний и внутренний. И мы свыкаемся со своей разобщенностью, забывая, что реальность одна. Вселенная – единый процесс, происходящий внутри сознания («великий поток»), и лишь полноценно погружившись в этот поток, мы обретаем возможность самопознания. Мы не можем опереться на «внешний» опыт, потому что события сменяют друг друга непрерывно и вырваться из этого потока нельзя. Само время есть изобретение неутомимого ума, и пространство тоже изобретено умом, чтобы ему было где блуждать. На самом деле не существует никакого пространства вне умозрительной конструкции, которая, как любая искусственная конструкция, рано или поздно становится тюрьмой. Такие идеи сложно принять; еще сложнее начать действовать соответственно.

Стратегию, к которой прибегает Уотс для достижения этой цели, вряд ли можно назвать буддийской. Она восходит к древнейшим прозрениям ведических ясновидцев: нужно исключить то, что не реально. Оставшееся и будет реальностью. Подход простой, но безжалостный. Ведь огромное количество вещей мы воспринимаем как реальность, а на деле они не более чем символы: «Мысли, идеи, слова – все это “ярлыки” настоящих вещей. Они *не являются* этими вещами сами по себе». Но тогда зачем вообще писать книги? Потому что слова способны указать направление; они способны заново озарить упущенные и позабытые вспышки прозрения; они разжигают пламя недовольства. Все это делает Уотс в своей книге в свойственной ему зачаровывающей читателя манере. При этом он прекрасно осознаёт, что карта – совсем не то же самое, что местность, которая на ней изображена. За авторитетными заявлениями скрывается такой же ищущий человек, ничем не отличающийся от читателя, и в своем поиске он так же уязвим.

Уотс, как и все мы, не сумел избежать тюрьмы раздробленного «я»; он осознаёт, что освобождение ему принесет не обычный опыт нашего мира, а нечто, находящееся за пределами времени, что, за неимением лучшего слова, мы называем пробуждением.

Парадокс пробуждения – я сейчас имею в виду обычное пробуждение, которое произошло со мной и с вами этим утром, – заключается в том, что, с одной стороны, его нельзя совершить произвольно, а с другой – оно неизбежно. Это же справедливо и для пробужде-

ния духовного. Нельзя пробудить себя при помощи желания, молитвы, медитации; пробуждение не получится вызвать насильно; его невозможно выпросить или вымолить. Осознать, что ты спишь, – и то сложно. Но даже самое крошечное зернышко осознанности непостижимым образом намекает на иную реальность. Как в этой, так и во всех других своих книгах Уотс обращается к этому зернышку сомнения с безграничным благоговением. Он описывает ум как противоречивую попытку убежать от себя и найти себя одновременно. Любой духовный путь оканчивается замыканием этого круга. Испуганный ум, бегущий от ужасов повседневной жизни, встречается с умом, жаждущим оказаться в лучшем мире. Когда эти два состояния ума встречаются, иллюзия оказывается полностью исчерпанной; ум теряет возможность обманывать самого себя.

В этот момент не происходит встречи с Богом, никто не переносится в рай. Происходит кое-что получше: человек обретает целостность. Он исцеляется от внутренней раздробленности. После того как ум перебрал все возможные страхи и отказался от всех возможных надежд, он успокаивается и входит в состояние осознанности, которое невозможно ни описать, ни даже представить. Это конец пути. Увы, «Мудрость уязвимости», как и любая другая книга, посвященная поискам истины, не может преподнести читателю этот итог исканий на блюдечке. Единственное, что может книга, – это очертить символический круг для поиска, и Алан Уотс справляется с этой задачей блестяще. Любой, кто чувствует, что его жизненный курс нуждается в корректировке, найдет в этой книге прекрасный путеводитель. Лично я продолжаю руководствоваться ею и сегодня, по прошествии тридцати лет.

Предисловие

Меня всегда завораживал закон обратного усилия. Иногда я называю его просто «законом обратного». Когда вы стараетесь удержаться на поверхности воды, вы тонете; но если вы специально пытаетесь утонуть, то вода вас выбрасывает. Если вам хочется затаить дыхание, вы начинаете пыхтеть, и все это для меня ассоциируется с несправедливо забытым высказыванием «кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее» (Матф. 16:25).

Настоящая книга посвящена изучению этого закона применительно к тому, как человек ищет психологической безопасности, как он пытается обрести неизменные духовные и интеллектуальные истины, прибегая к религии и философии. Пишу это в полном убеждении, что сейчас самое подходящее время для поисков ответов на такие вопросы, – именно сейчас, когда человеческая жизнь кажется особенно непредсказуемой и полной опасностей. Я попробую доказать, что эта уязвимость – прямое следствие попыток стать неуязвимым и что единственный способ «спастись», сохранить здравый рассудок заключается в безоговорочном признании невозможности такого спасения.

Это, пожалуй, напоминает «Алису в Зазеркалье», философским аналогом которой и является данная книга. Здесь читатель тоже регулярно будет ощущать, будто попал в мир, где все вверх тормашками, привычный порядок вещей полностью нарушен, а здравый смысл перевернут с ног на голову, да еще и вывернут наизнанку. Те, кто знаком с некоторыми моими предыдущими работами, найдут здесь массу противоречий с тем, о чем я писал ранее. Но это справедливо лишь относительно частностей. Дело в том, что после публикации моих работ стало очевидно: главная мысль и самая их суть часто искажается; структура повествования и контекст моих мыслей заслоняют собой смысл того, что я пытался донести до читателя. Поэтому в этой книге я постараюсь изложить ту же мысль, но под совершенно другим углом зрения и в таких терминах, которые не запутывали бы читателя множеством неуместных ассоциаций, навешенных на них временем и традицией.

В своих предыдущих работах я пытался доказать определенные религиозные, философские и метафизические законы, переосмысливая их. Сегодня мне кажется, что такие усилия сродни попыткам приделать змее ноги. Они бесполезны и лишь запутывают, потому что только сомнительные истины нуждаются в том, чтобы их защищали. Эта книга была написана в полном соответствии с духом китайского мудреца Лао-цзы, великого знатока закона обратного усилия, заявившего, что доказывающий никого не убедит, что для познания истины нужно избавиться от любого знания и что нет ничего сильнее пустоты, от которой человек постоянно бежит. Теперь я ставлю себе цель показать (вывернув все наизнанку), что основные вопросы религии и метафизики доказываются от противного и по-настоящему проявляют себя, лишь будучи полностью разрушенными.

С большой признательностью отмечаю, что написание этой книги стало возможным благодаря щедрости фонда, основанного ныне покойным Франклином Дж. Мэтчеттом из Нью-Йорка, человеком, посвятившим себя вопросам науки и метафизики. Он был одним из тех редких представителей бизнеса, которым удается вырваться из порочного круга зарабатывания денег ради зарабатывания денег ради зарабатывания денег... Фонд Мэтчетта спонсирует метафизические исследования, и излишне говорить, что для меня его заинтересованность в столь необычном подходе к метафизике, диаметрально противоположном привычному, является признаком творческого подхода и замечательной проницательности.

*Алан Уотс,
Сан-Франциско,
май 1951 г.*

Глава 1

Век тревоги

Давайте попробуем взглянуть на человеческую жизнь отстраненно. Она – не более чем короткая вспышка, разрезающая ткань безграничной тьмы, которая в обе стороны уходит в бесконечность. И даже эта короткая вспышка отнюдь не похожа на безоблачный день. Чем более мы восприимчивы к счастью, тем более восприимчивы к боли. Боль, физическая и душевная, сопровождает нас от рождения до смерти. Поэтому мы привыкли думать, что жизнь – нечто большее, чем кажется на первый взгляд, что после смерти нас ждет иное, лучшее будущее. Ведь если жизнь является именно тем, чем кажется на первый взгляд, в ней нет ни малейшего смысла. Если жизнь должна закончиться болью, сожалениями об утраченном и превращением в ничто, не слишком ли это жестокий и бессмысленный опыт для нас, рожденных, чтобы мыслить, надеяться, творить и любить? Человек, существо осмысленное, хочет, чтобы и жизнь имела смысл. А его довольно сложно отыскать, если воспринимать жизнь такой, какая она есть, не приписывая ей скрытый «высший порядок» и не прибавляя к ней вечное посмертное существование, которое уравновешивало бы столь ненадежный и ускользающий опыт жизни и смерти.

Возможно, меня обвинят в том, что я слишком легкомысленно отношусь к слишком серьезным вещам, но попытки придать смысл кажущемуся хаосу повседневного существования напоминают мне озорную мечту из моего детства – послать кому-нибудь по почте воду. Представьте себе: получатель разворачивает посылку – и ему на колени проливается водопад! Конечно, мне никогда не удалось даже мысленно приблизиться к исполнению этого замысла, потому что невозможно, просто-таки раздражающе невозможно завернуть фунт воды в бумажную упаковку. Да, существует бумага, не размокающая в воде. Но проблема не в этом. Проблема в том, что никак не получится «отрезать» от воды кусочек и придать ей какую-то форму, чтобы затем завернуть в упаковку и обвязать бечевкой.

Чем больше изучаешь ответы, которые по-настоящему умные и одаренные люди пытаются дать на вопросы политики, экономики, искусства, философии и религии, тем сильнее ощущение, что все эти незаурядные личности тратят уйму усилий и таланта на то, чтобы завернуть воду жизни в аккуратные непромокаемые упаковки.

Современному человеку это становится особенно очевидно по целому ряду причин. Мы слишком хорошо знаем свою историю, слишком много перед глазами таких «упаковок», предсказуемо размокших и развалившихся на части. Столь многое мы узнали о жизни, о том, как она устроена, что при всем желании не получается свести ее к простому и очевидному. В результате сегодня, как никогда раньше, она кажется сложной и «бесформенной». Более того, научный и технический прогресс настолько ускорили темп жизни, настолько обострили ее восприятие, что наши «упаковки» разваливаются с каждым днем все быстрее и быстрее.

Возникает ощущение, что мы живем во времена небывалой уязвимости. Слишком многое изменилось за последние сто лет. Слишком много вековых, казавшихся незыблемыми традиций – семейных, социальных, государственных, экономических, религиозных – распалось буквально на наших глазах. С каждым годом все меньше столпов, на которые можно было бы опереться, все меньше надежного и незыблемого, что воспринималось бы как истина в последней инстанции, сегодня и навсегда.

Для кого-то такие перемены стали долгожданным освобождением от гнетущих моральных, социальных и духовных догм. Для кого-то, напротив, оказались опасным, внушающим ужас разрывом с нормами (а значит, и со здравым смыслом), катастрофой, после которой человек погрузился в беспросветный хаос. Для большинства же людей за мгновением радостным

опьянением свободой пришла изматывающая всепронизывающая тревога. Ведь если все относительно, если жизнь превращается в ревущий поток, не имеющий ни цели, ни берегов, в котором ничто не вечно, кроме вечных перемен, начинает казаться, что у такой жизни «нет будущего», а значит, нет и надежды.

Создается впечатление, что человек может быть счастлив лишь тогда, когда впереди у него маячит что-то приятное, будь то перспектива «хорошо провести время» в ближайшие выходные или вечная жизнь после смерти. По целому ряду причин все меньше людей верит в последнее. Что до приятных событий повседневной жизни, у них есть серьезный недостаток: человеку сложно ими полноценно наслаждаться, если впереди не ждет что-то еще лучшее. Но если счастье оказывается в вечной зависимости от будущих событий, получается, что мы гонимся за блуждающим огоньком, ухватить который невозможно. И продолжается эта погоня до тех пор, пока пресловутое будущее, и мы вместе с ним, не провалится и не растворится в бездне под названием «смерть».

На самом деле современный мир своей непредсказуемостью ничуть не отличается от любой другой эпохи. Бедность, болезни, войны и перемены были всегда. В самые благополучные времена «безопасность» оставалась временной и иллюзорной. Но ненадежность и переменчивость человеческой жизни всегда переносились легче благодаря вере в незыблемое, не подверженное ударам судьбы: в Бога, в бессмертие человеческой души, в вечные законы мироздания.

Сегодня мало кто искренне верит в такие вещи, даже среди людей религиозных. Не существует такого слоя общества, пожалуй, не существует даже такой отдельной личности, которых не коснулось бы современное образование, а значит, и споры сомнения, которые оно с собой несет. Совершенно очевидно, что за последние сто лет авторитет религии в массовом сознании был полностью замещен авторитетом науки. Как следствие, скептицизм – по крайней мере в вопросах духовности – стал преобладать над верой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.